

Петух пропел / новелла

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 23 января, 2025

Петух пропел / новелла ПЕТУХ ПРОПЕЛ

Рене Бильоту.

Берта д'Авансель до сих пор отклоняла все мольбы своего отчаявшегося поклонника, барона Жозефа де Круассар. В течение зимы, в Париже, он пылко преследовал ее, а теперь устраивал в ее честь празднества и охоты в своем нормандском замке Карвиль.

Муж Берты, г-н д'Авансель, по обыкновению ничего не замечал, ничего не знал. Он жил, как говорили, врозь с женой по причине своей физической слабости, которой она ему не прощала. То был маленький толстый Человек, лысый, с короткими руками, короткими ногами, короткой шеей, коротким носом, словом, весь короткий.

Г-жа д'Авансель была, напротив, высокая молодая женщина, темноволосая и решительная, смеявшаяся громким смехом прямо в лицо мужу, который при всех называл ее «госпожой Попот». На широкие плечи, мощное сложение и длинные белокурые усы своего присяжного воздыхателя, барона Жозефа де Круассар, она поглядывала с некоторой нежностью и обнадеживающей улыбкой.

Тем не менее она еще не шла ему навстречу. Базон разорялся на нее. Без конца следовали друг за другом торжества, охоты и другие увеселения, на которые он приглашал всю знать из окрестных замков.

Целыми днями гончие лаяли в лесах, преследуя лисиц и кабанов; по вечерам же ослепительные фейерверки взлетали огненными султанами к звездам, а ярко освещенные окна гостиной бросали на широкие лужайки полосы света, в которых мелькали тени.

Стояла золотая осень. Листья, словно стая птиц, порхая, слетали на траву. В воздухе чувствовался запах сырой земли, лишавшейся своих покровов, как чувствуется запах нагого тела женщины, когда она, вернувшись с бала, сбрасывает с себя

платье.

Как-то вечером на одном из праздников прошлой весны, г-жа д'Авансель ответила барону де Круассар, преследовавшему ее своими мольбами:

— Если мне суждено стать вашей, мой друг, то это случится не раньше листопада. Летом у меня слишком много дела, и на это не хватит времени.

Он запомнил эти насмешливые и смелые слова и с каждым днем настаивал все сильнее и сильнее, с каждым днем старался увеличить близость и все больше завоевывал сердце дерзкой красавицы, противившейся, казалось, теперь только для виду.

Была назначена большая охота. И накануне г-жа д'Авансель, смеясь, сказала барону:

— Барон, если вы убьете зверя, то получите кое-что от меня.

Он встал с зарею, чтобы разыскать уединенное логово кабана. Он ходил со своими доезжачими, распределял перемены собак, устраивал все сам, подготавливая свое торжество; и когда рога протрубили выезд в поле, он появился в узком охотничьем костюме, красном с золотом, плотно обтягивавшем его бедра, широкогрудый, сияющий, свежий и сильный словно только что с постели.

Охотники выехали. Поднятый из логова кабан, преследуемый лаем собак, бежал сквозь кустарник; лошади мчались галопом по узким лесным тропинкам, увлекая охотников и амазонок, а по размякшей осенней дороге беззвучно катились экипажи, издали сопровождавшие охоту.

Г-жа д'Авансель лукаво удерживала барона возле себя и, замедляя путь, ехала шагом по бесконечно длинной прямой алее, над которой склонялись сводом четыре ряда дубов.

Трепеща от любви и тревоги, он одним ухом внимал насмешливой болтовне молодой женщины, а другим прислушивался к звуку рогов и лаю собак, отдалявшимся все более и более.

— Итак, вы меня больше не любите? — спрашивала она.

Он отвечал:

— Как вы можете говорить такие вещи?

Она продолжала:

— Охота, кажется, занимает вас все-таки больше, нежели я.

Он простонал:

– Вы же сами приказали мне собственноручно убить зверя.

Она сказала серьезно:

– Да, я рассчитываю на это. Вы должны убить его на моих глазах.

Тогда, передернувшись в седле, он пришпорил лошадь, которая рванулась вперед, и, теряя терпение, воскликнул:

– Но, черт возьми! Ведь этого не случится, сударыня, если мы останемся здесь!

Она бросила ему, смеясь:

– А между тем надо, чтобы это случилось... или... или тем хуже для вас.

И она нежно заговорила с ним, касаясь рукой его руки или лаская, как бы в рассеянности, гриву его лошади.

Они свернули вправо, на узенькую, глухую тропинку, и внезапно, как бы стараясь отстраниться от ветки, преграждавшей дорогу, она наклонилась к нему так близко, что он почувствовал, как ее волосы щекочут ему шею. Тогда он порывисто обнял ее и, припав к ее виску, поцеловал ее бешеным поцелуем.

Сначала она замерла, отдавшись этой пылкой ласке, потом вдруг повернула голову, и, намеренно или случайно, ее маленький ротик встретил его губы под пышными белокурыми усами.

Затем, то ли смутившись, то ли охваченная раскаянием, она хлестнула лошадь, и та понеслась во весь опор. Так ехали они долго, не обмениваясь даже взглядом.

Шум охоты приближался; вся чаша, казалось, дрожала, и вдруг, ломая ветки, отряхиваясь от собак, вцепившихся в него, пронесся окровавленный кабан.

Тогда барон с торжествующим смехом крикнул: «Кто любит меня, за мной!» И исчез в зарослях. Казалось, лес поглотил его.

Когда несколько минут спустя г-жа д'Авансель примчалась на полянку, барон поднимался, испачканный, в разорванной куртке, с окровавленными руками, а зверь лежал на земле, и охотничий нож был всажен ему в плечо по самую рукоятку.

Раздача собакам кабаньего мяса происходила при свете факелов тихой меланхолической ночью. Луна золотила красное пламя факелов; их смолистый дым стлался туманом в ночи. Собаки

пожирали зловонные внутренности кабана, лаяли и дрались. А доезжачие вместе с дворянами-охотниками толпились вокруг них и изо всех сил трубили в рога. Звуки эти, повторяемые глухим эхом далеких долин, разносились в светлой ночи над лесом, будили беспокойных оленей, визгливых лисиц и тревожили прыгавших по полянкам серых кроликов.

Испуганные ночные птицы метались над обезумевшей собачьей сворой. И женщины, взволнованные всей этой красотой и жестокостью, опираясь на руки мужчин, уходили в глубь аллей, не дожидаясь окончания собачьего пира.

Истомленная этим днем усталости и любви, г-жа д'Авансель сказала барону:

– Не хотите ли, друг мой, пройтись по парку?

Он увлек ее, ничего не ответив, дрожа, изнемогая.

И они тотчас же обнялись. Они шли тихо, маленькими шагами, под ветвями деревьев, почти уже оголившихся и пропускавших лунный свет; их страсть, желание, жажда объятий достигли такой силы, что они готовы были упасть у подножия дерева.

Рога умолкли. Усталые собаки уже спали на псарне.

– Вернемся, – сказала молодая женщина.

Они пошли обратно.

Очутившись перед замком, она прошептала умирающим голосом:

– Я так утомлена, друг мой, что тотчас же лягу.

Он собирался обнять ее и поцеловать в последний раз, но она убежала, бросив ему на прощанье:

– Нет, нет... Мне хочется спать... Кто любит меня, за мной!

Час спустя, когда молчаливый замок казался совсем вымершим, барон, крадучись, вышел из своей комнаты и легонько постучал в дверь своей возлюбленной. Она не ответила; он попробовал открыть. Дверь не была заперта.

Она мечтала, облокотясь на подоконник.

Барон бросился к ее ногам, осыпая ее колени страстными поцелуями сквозь почти неощутимую ткань пеньюара. Она не говорила ни слова и ласковым движением погружала тонкие пальцы в его пышные волосы.

Вдруг, высвободившись, словно приняв какое-то чрезвычайно важное решение, она промолвила с обычной смелостью, но понизив

голос:

– Я сейчас вернусь. Подождите меня.

И, вытянув руку в темноте, указала на смутно белевшее в глубине комнаты пятно постели.

Взволнованный, он быстро разделся ощупью, дрожащими руками, и улегся на свежие простыни. С наслаждением вытянулся, почти забыв о возлюбленной, до того сладостна была эта ласка белья, прикасавшегося к его телу, утомленному движением.

Между тем она не возвращалась, по-видимому, забавляясь его томлением. Он закрыл глаза в блаженной истоме и тихо грезил в восхитительном предчувствии столь долгожданной минуты. Но мало-помалу тело его отяжелело, мысль погрузилась в дремоту, стала неясной, расплывающейся. Наконец безграничная усталость сразила его: он уснул.

Он спал тяжелым, непробудным сном охотника, утомленного до изнеможения. Он проспал до самой зари.

Но внезапно – окно оставалось полуоткрытым – пропел петух, взлетевший на соседнее дерево. И сразу разбуженный этим звонким криком, барон открыл глаза.

Чувствуя возле себя тело женщины, оказавшись на кровати, которой он не узнавал, изумленный и ничего уже не помнящий, он прошептал спросонья:

– Что такое? Где я? Что это?

Тогда она, не спавшая всю ночь, взглянула на этого взлохмаченного мужчину с красными глазами и отвисшей губой и ответила высокомерно, как обычно говорила с мужем:

– Ничего особенного. Петух пропел. Спите, сударь, вас это не касается.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 5 июля 1882 года под псевдонимом Мофриньёз.

Рене Бильот (1846 – 1914) – французский художник-пейзажист.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 2. МП «Аурика», 1994

Перевод А.Н. Чеботаревской. Некауалар